

реализации признания. . . . Материал, который, будучи взят в комплексе и взаимосвязи, мог бы послужить основанием для интереснейших наблюдений над внутренней политикой отдельных групп узурпаторов, в расчлененном виде (опять-таки без скупрулезного в каждом отдельном случае анализа источников) очень часто не идет дальше безликого перечисления тактических приемов пропаганды этих правителей.

Слабое внимание Эльберна к законодательству того периода и отсутствие анализа данных публицистики не дают ему возможности в материальных интересах армии видеть что-либо иное, кроме жажды солдатами донативы и эффективного руководства (S. 61—63). Совершенно не поднят вопрос об отношениях узурпаторов к городам, к муниципальной знати, хотя даже представленный в книге материал о наказании приверженцев неудачливых узурпаций дает почву для размышлений на этот счет (S. 139—143).

Между тем стремление автора рассматривать среди движущих сил узурпаций прежде всего материальные факторы — как внешние, так и внутренние, — и лишь затем религиозные противоречия, династические, личные и т. д. не должно создавать впечатление о приоритете в глазах Эльберна этих факторов. Дело в том, что описание общественных сил, поддерживавших узурпаторов, в книге завершается выводом о решающем влиянии династической идеи, в конечном счете и определяющей успех узурпаций. Основной аргумент такого вывода состоит в констатации факта достижения признания и сохранения трона до самой смерти лишь тремя позднеантичными узурпаторами — Константином I, Юлианом и Валентинианом II (которые смогли апеллировать к династической легитимности). Я далек от мысли вообще отрицать влияние династических принципов на прочность верховной власти в тот период, но то, что названные трое императоров не были свергнуты другими узурпаторами,

а кончили жизнь иначе, еще не означает, что «владения делыми провинциями и префектурами обычно не было достаточно для длительного обеспечения власти», а «идеальный момент принадлежности к правящему дому был сильнее, чем материальные средства власти» (S. 74). В списках, приведенных Эльберном, немало узурпаторов, удерживавших корону дольше, чем Юлиан или иные, совершенно легитимные правители того времени.

И еще одно замечание. В книге констатируется особенная частота позднеантичных узурпаций в галло-британском регионе, меньшая — в Италии и Восточной империи, совсем незначительная — в Африке и Иллирии. Интенсивность случаев узурпаций автор выводит в первую очередь из размера внешнеполитической угрозы для конкретного региона и экономических тягот его населения. За исключением вышеназванных, других подходов к анализу региональных особенностей узурпаций в книге нет. Между тем привлечение данных о специфике развития западно- и восточно-римской сенаторской знати (см., например, труды М. Арихейма, Дж. Мэтьюса и др.), видимо, не сделало бы таким категоричным вывод Эльберна о потере сенатом (каким?) всякого влияния на выборы императора (S. 65, 144). Не дифференцируется в книге не только по социальному, но и по региональному принципу позднеимперская армия.

Таким образом, методика Эльберна, предусматривающая расчленение явления на возможно большее число составляющих и отдающая предпочтение плюрализму факторов в развитии явления при очень слабом синтезе полученных в результате такого «препарирования» данных и фактическом отсутствии анализа политически и социально тенденциозных источников, к плодотворным результатам не приводит.

А. С. Козлов

P a b s t A. *Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen*. Bonn, 1986. XI. 491 S. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. N. 23).

Исследование А. Пабст — слегка переработанный вариант диссертации, защищенной летом 1985 г. в университете Эрлангена, — является, по сути дела, первой крупной специальной работой в послевоенное время, посвященной некоторым аспектам сложной темы о политических разделах Римской империи в позднеантичную эпоху. При анализе проблемы А. Пабст опирается не только на широкий круг источников, но и на большое количество работ предшественников¹. В этом плане исследование А. Пабст можно считать добротной критической систематизацией как ряда позд-

неантичных государственно-правовых концепций, так и изысканий современной историографии в этой области истории Поздней Римской империи. В самом деле, именно наличие в историографии широкого спектра оценок политических разделов Римской империи в IV и VI вв. привело автора к постановке следующего парадокса: «Возможно, события, которому посвящено данное исследование, никогда не было. Возможно, именно оно было поворотным пунктом и вехой на пути человека от поздней античности к раннему средневековью. Возможно, оно относится в качестве эпохальной даты

¹ Хотя при исчерпывающей библиографии А. Пабст не удалось избежать мелких досадных упущений. Например, неиспользованной оказалась сравнительно новая работа: *Klein D. Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tode Constantins des Grossen // BF. 1979. Bd. 6. S. 101—150.*

к началу, может быть к середине или к концу IV в., вероятно только к какому-либо моменту V в., в случае если его вообще нельзя расположить нигде раньше, или же ничего особенного не произошло ни в 286, 293, 305, 337, 364, ни в 400, 410, 450 или 455 гг.» (S. 2).

Суммируя оценки предшествующих штудий, автор отмечает, что их общей целью было установление более или менее точной «даты рождения» отдельных западно- и восточноримских империй и германских государств. Критериями для этого служили, как правило, появление множества императоров и территориально разделенных и автономно правящих государей, наличие независимых восточно- и западноримских императоров, отчуждение и вражда между империями. Подход к изучению политических разделов в предшествующей историографии был также, по мнению А. Пабст, общим: реконструирование истории, исходя из чистых фактов; источники при этом служили только как «поставщики материала». Из них отфильтровывались лишь данные, подходящие для той или иной теории и редуцировалось основное содержание, игнорировались понятия и «мыслительная схема» античности. Отсюда вытекает задача и метод исследования; оперировать насколько это возможно лишь античными категориями и концепциями; посмотреть на *Divisio regni* (так его называет автор, отказываясь от современных дефиниций типа *Reichsteilung*, *division of the Roman Empire*, *division ou partage de l'Empire Romain*, *divisione dell'impero Romano*) глазами современников². *Divisio regni*, таким образом, по А. Пабст, сумма представлений современников о процессе раздела империи. Особенностью подхода А. Пабст наряду с реконструкцией представлений позднеантичных авторов об этом явлении является параллельная критика современной историографии. Это с неизбежностью привело к построению собственной (пусть и в позднеантичной терминологии) концепции автора о разделах империи в IV—VI вв. Иными словами, во многом речь идет о новой интерпретации уже известных источников. Специально оговаривается при этом невозможность отождествления ее *Divisio regni* с прежними *Teilung*-теориями. Такое структурное смещение в рамках одного изложения до известной степени осложнило манеру подачи материала — вплоть до того, что иногда трудно определить, где собственная позиция автора.

В «пропедевтических» главах, призванных более глубоко обосновать достоинства нового метода исследования, А. Пабст, прежде всего, кратко остановилась на попытках решения проблемы раздела римской державы, начиная с эпохи второго триумвирата и до 284 г. В разных исторических условиях это реали-

зовывалось такими методами как сопряжение, экстраординарное командование в регионах, отдельные империи. Ответ на вопрос, было ли это наследие принципата в поздней античности уже мертвым, начинается с анализа категорий *Reichsteilung* и *imperium* (соответственно в современной и античной историографии). По мнению автора, все критерии современной историографии, лежащие в основе первого понятия, позволили выработать весьма относительную концепцию *Reichsteilung*, неадекватную представлениям современников. Слабым местом современных построений о разделах римской державы является неточная трактовка и применение в исторических исследованиях главной категории античной государственведческой мысли — *imperium*, вырывание из ее сложного контекста функционального или территориального аспектов, в то время как для древних это было единым динамичным понятием на разных этапах развития, охватывающим «деятельность властвующего как объект и пространство этой деятельности» (S. 43). Именно под углом зрения понимания *imperium* поздней античностью декларируется дальнейшее рассмотрение истории политических разделов.

Первый основной раздел книги посвящен проблемам *Mehrkaisertum*, его возможностям и последствиям в поздней античности сквозь призму функционального аспекта *imperium*. Отсюда пристальное внимание к вопросам иерархии в императорской коллегии, реальному балансу власти между августиами и цезарями. Возможно, на сегодня это наиболее полная сводка материала, касающегося государственно-правовых аспектов императорской власти. Параллельно с добротной систематизацией достигнутых результатов, автор делает большое количество собственных уточнений, замечаний, оценок. Ее схема анализа начинается с рассмотрения низших ступеней в императорской коллегии. Хотелось бы отметить, что собственной позиции по вопросу как классификации или типологии различных форм императорских коллегий II—V вв., так и о конкретных причинах варьирования этих форм А. Пабст до конца не выработала. Суммируя взгляды В. Сестона, Р. Блокля, Ф. Хартманна о причинах возникновения цезарата, автор делает акцент на внутренней противоречивости института, который при тетрархии, «кажется, прекрасно соответствовал потребностям времени» (S. 49). После Диоклетиана территориальные и функциональные несоответствия империи цезарей привели, по Пабст, к отмиранию института. К сожалению, в стороне остался вопрос о причинах живучести универсализма в период раннего домината и его основах в сознании современников, хотя, как

² В этом плане А. Пабст явно продолжает изыскания Г. Альфельди, хотя нигде не упоминает этого: *Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // GRBS. 1974. Vol. 15. P. 89—111*. Особенности такой методикой анализа см., например: *Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 41—51*.

представляется, это прямо относится к теме исследования. Уничтожение цезарата в свою очередь привело к определенным изменениям в августате, начиная с 364 г. Анализ терминологии августата — одно из интересных и самостоятельных мест диссертации А. Пабст. Модель Валентиниана I—Валента — *Augusti collegae pari iure* — сравнивается, вслед за Аммианом (*Ann. Marc.* 27, 6, 16), с примером Марка Аврелия и Луция Вера³. Сопоставление источников IV—V вв. об *exemplum*, очевидное родство данного сюжета в бревиариях, *Historia Augustae*, у Аммиана и Аврелия Виктора, привело исследовательницу к интересному выводу о том, что этот образец был изобретением эпохи константиновой династии. Вопрос о причинах явления вновь остался в стороне. Согласно А. Пабст, понятия *consors imperii* и *κοινωνός τῆς ἀρχῆς* не являются официальной терминологией, но, тем не менее, отражают отношения внутренней иерархии в императорской коллегии, что, в свою очередь, не дает права говорить о первых попытках раздела империи уже во II в. При назначениях 364 (Валент) и 367 гг. (Грациан) упор делался на родственные отношения, что, однако, по мнению автора, не исключало фактического возврата к формам императорских коллегий II—III вв. Здесь очевидно противоречие с вышеуказанным тезисом о «смерти цезарата»; видимо, следуя логике концепции А. Пабст, можно было бы сказать о чисто внешнем упразднении института цезарей и видоизменении *Unterkaisertum*. Собственно в приведенных рассуждениях автора и состоит более или менее точный смысл этой части концепции: исходя из анализа позднеантичной терминологии, нельзя утверждать, что в IV в. возникло равноправие, а тем более независимость императоров друг от друга; следовательно, не было и подлинного раздела империи. Хотя нигде в первой части эта концепция четко не формулируется, однако в целом материал подчинен в конечном итоге этому тезису. В данном случае авторская концепция в значительной мере «растворена» в позднеантичных представлениях вплоть до отказа от серьезной исторической их критики.

В этом же ключе проводится сравнительный анализ титулатуры императоров принципата и домината. Обычно императоры I—III вв. в исторических сочинениях, у юристов и в официальных документах обозначаются только как цезари; титул августа появляется лишь в поздней античности, как синоним современного понятия *Oberkaisertum*. В условиях, когда августос было несколько, в силу вступали добавочные иерархические критерии: например, глава императорской коллегии обозначался как *auctor imperii* и *maximus Augustus*, или соподчинение реализовывалось в таких династийных категориях, как *pater-filius*, *frater-frater*, употребительных при давней традиции адоптации.

Анализ проблем *Mehrkaisertum* для 364—395 гг. базируется на иной терминологии при обозначении модели управления, а именно на симмаховом понятии *cura imperii*. И тем не менее, по мнению А. Пабст, фактически речь идет вновь лишь о видоизмененной диоклетянской модели. Следуют Аммиану, Фемистию, Авсонию, автор считает Валента августом второго ранга, не обладающим *auctoritas* и всего лишь помощником Валентиниана на Востоке, и, следовательно, в 364 г. не было реального раздела империи. Его противоречивое правовое положение помощника и соправителя во многом напоминает ситуацию с Максимианом. После 375 г. на ранг *auctor imperii* претендовали одновременно Валент и Грациан; Валентиниан II не был самостоятельным государем. Правовые основы притязаний Грациана А. Пабст выявить в полной мере не удалось, равно как и причины попытки Феодосия с самого начала занять достаточно независимую по отношению к Грациану позицию. В данном случае проявилось известное противоречие методики исследования А. Пабст, когда автор, избегая применения термина «раздел» и связанных с ним реалий, в своей концепции оставила без внимания несоответствие политической теории и практики. А то, что часто политическая идеология была лишь инструментом во взаимоотношениях двух уже реально существовавших государств, хорошо продемонстрировано А. Пабст на примере мастерского использования Феодосием в 387—388 гг. его прежней легитимации Грацианом. Резюмируя свои изыскания об эволюции позднеантичных представлений о модели управления в 364—395 гг., с одной стороны, автор отмечает, что ничего нового не произошло, с другой — (и это уже собственная концепция) говорит о крахе четкой иерархии в императорской коллегии, что привело уже в этот период к зарождению будущих отдельных империй и династий.

Очень удачно представляется глава о ситуации с разделами империи в V в. Не оспаривая в целом факт наличия после 395 г. двух самостоятельных империй, автор делает акцент на относительности тех критериев, по которым современная историография оценивает завершенность распада империи. Таких, например, как отдельный чиновничий аппарат, менталитет, независимая политика, отдельный консулат и пр. Рецидивы универсализма во всех перечисленных сферах, и это хорошо проиллюстрировано А. Пабст, обнаруживались в конце IV—первой трети V в. Отмирание притязаний на единодержавие представлено как постепенный процесс; можно было бы только подчеркнуть, что оживление универсализма было всегда конкретно-исторически мотивировано и связано с внутривластными ухудшениями в одной из частей империи. Реально, по мнению автора, возможности вмешательства в дела престолонаследия пре-

³ Не совсем ясен и остался без объяснения тезис о том, что «это был ответ правительства на фиаско Юлиана» (S. 57).

секлись после 450 г. Императоры могли лишь признавать или не признавать своих «теоретических соправителей»: такова была реальная эволюция *сига империи* в направлении фактической независимости.

Во втором основном разделе работы — «*Divisio regni*: единство, раздел и распад *imperium Romanum* в представлении, понятии и сознании античности» — весь материал рассматривается сквозь призму территориального аспекта *imperium* в тесной связи с рассмотренными ранее моделями управления. При всех возможных типах соподчинения не достигалось подлинной коллегиальности ни функционально, ни территориально. Старший август имел возможность вмешиваться в дела своих соправителей. В политической же идеологии это отражалось как единство государства: «два человека — одна воля, одно сердце и одна душа», т. е. в конечном итоге *Mehrkaisertum* мыслилось как монархия. Но обладание проконсульской властью и, главное, армией в регионах с неизбежностью не только осложняло внутренние отношения в коллегии, но и давало возможность рассматривать данные регионы как свои: бывшие коллеги становились врагами, провинции — отдельными государствами. В этом причина многочисленных императорских конференций в IV в., проходивших в «пограничных городах», на которых демонстрировалась *concordia* всех правителей. Теория согласия (*concordia*) правителей применялась современниками и для уже реально расчлененной империи (например, при сыновьях Константина и Феодосия, которые мыслились как наследующие часть общего отцовского наследия).

Одним из источников *Mehrkaisertum* и раздела империи были узурпации. Но в случае их удачного исхода узурпатор превращался из государственного преступника в коллегу и соправителя. При успехе его попыток добиться признания со стороны легитимного императора, он признавал *auctoritas* последнего и на него распространялись отношения *concordia*. Степень его реальной соподчиненности, справедливо отмечает автор, в каждом случае конкретна и определялась многими факторами в дипломатическом торге.

Подвергая критическому анализу общепризнанный в современной историографии тезис о «восстановлении единовластия Константином», А. Пабст пытается найти его происхождение в позднеантичных источниках. По ее мнению, уже в начале V в. многие авторы не совсем точно понимали смысл аллегорий Евсевия о значении пути Константина к единовластию, принимая многие из них за реальность. Это привело к тому, что в латинской традиции, начиная с Евтропия, утвердилось понимание истории второй тетрархии как эпохи первоначального деления империи. Эмоционально положительная оценка восстановления единовластия Константином в поздней античности базировалась также на настроениях усталости от гражданских войн

III в. и второй тетрархии. Убедительно показано отрицательное отношение современников к «полиархии», множеству императоров, бывших до известной степени синонимами раздела империи.

Настоящий раздел империи стал реальностью после 450—455 гг., когда императоры не нуждались более в *concordia* — такова, по наблюдениям А. Пабст, античная дата явления. Строго говоря, эти сведения почерпнуты из хроники Михаила Сирийца, пользовавшегося источниками V в. Интересна собственная, достаточно плодотворная, ремарка автора, оставшаяся, правда, без уточнений, о том, что императоры V в. выдвигались внутренними силами каждой из частей империи.

Разбирая проблемы единства и раздела в сознании поздней античности, автор ставит закономерный вопрос, считали ли древние раздел империи фикцией или же видели за фасадом коллегии реальность растущего отчуждения. Хронологический ряд различных концепций выгодно оттеняет реальную эволюцию общественно-политической мысли, и главное, ее конкретно-историческую мотивированность: если в известном пассаже Аммиана о мобильности цезарей (*Ann. Marc.* 14, 11, 10) подразумевается отсутствие разделения обязанностей и внутренних границ, то в начале V в. распад империи воспринимался современниками как апокалиптическая неизбежность, а общность державы как фикция. Впервые настроения вражды и отчуждения были ярко выражены Клавдианом; самостоятельность Востока воспринималась на Западе как потеря. Для Сидония и Приска существование отдельных империй было уже не просто само собой разумеющимся фактом, но даже необходимым и желательным (*valeat divisio regni*) явлением.

Тесно примыкает к этому сюжету также анализ терминологии о генезисе и сущности восточной и западной империй. Все три категории терминов — государственно-правовые, географические, «культурологические» — в конечном счете отражают постепенное осознание процесса территориального размежевания. Особенно четко это проявилось в понятийной паре *origens-occidens* и ключевых категориях «*imperium*» и «*res publica*» при Аркадии и Гонории. Из единых ранее *imperium* и *res publica* возникли соответственно *utrumque imperium* и *utramque res publica*.

Последняя глава второго раздела посвящена проблемам отражения современниками процесса создания аналогичных государственных структур в обеих частях империи. Прежде всего, автор прослеживает эволюцию статуса Рима по позднеантичной терминологии. Достаточно убедительно показано, что если при принятии категории *sedes imperii* была в принципе неотделима от Рима, то при доминанте — только от императорской резиденции. Рим не утратил, однако, столичного статуса, коль скоро в нем оставался сенат. При тетрархии считалось, что все соправители равно владеют Римом; на деле он не был центром администрации

вплоть до второй половины V в., когда в него вновь вернулись императоры. Однако Рим в сознании западных римлян был единственно подлинной столицей; за Константинополем такое право до конца не признавалось. При Константине *altera Roma* официально считалась новым *sedes imperii* на Востоке, а в обыденном сознании — личным полисом императора. Для Констанция II он был местом рождения его *imperium* и, согласно Фемистию, второй столицей, равной первой. К сожалению, каких-либо причин политических притязаний Константинополя в речах Феместия А. Пабст не находит.

Оппозиция Константинополю была не только на Западе, но и на Востоке, в Антиохии. Традиционная гордость образованного эллизма, хозяйственные и социальные интересы Антиохии заставляли Либания объявлять Константинополь узурпатором. Во многом этому способствовало стратегическое значение Антиохии, когда она становилась оперативной базой во время войн с Сасанидами. С появлением суга — отношений современники признали за Константинополем право быть столицей Востока; Рим в западной традиции оставался столицей мира. Именно на этот период приходятся различные толкования дефиниций — *babtra* и *vea* — применительно к Константинополю: следует ли понимать его как равную столицу и, более того, преемницу старого Рима, либо как изначально и вечно соподчиненный город.

Удачно показано автором, что сопутствующим фактором для переживания современниками раздела империи были церковные противоречия, привнесшие совершенно новые акценты в политическое сознание поздней античности.

Соответственно сенат (*minor senatus*) и народное собрание (*Graii Quirites*) Константинополя постепенно воспринимались Западом как самостоятельные, но второсортные явления, смысл существования которых оправдан лишь тем, что только там избирается восточный император. Противоположность обеих ветвей римлян, прослеживаемая и по церковным источникам, трансформировала в западной традиции восточных римлян в греков и византийцев. Сходный процесс шел и на Востоке: в V в. византийцы уже достаточно отчетливо осознавали себя отдельной общностью, противопоставляли себе «италиотов», называли обе империи по именам их столиц. И лишь с исчезновением Западной империи, трактуемым А. Пабст как конец коллегияльного *Mehrkaisertum* или даже крайней его формы, *Teilreichskaisertum*, Византия претендует на имя Рима, оставшись единственной *sedes imperii*.

Логическим продолжением основной части работы А. Пабст стал эпилог «Остготское государство в Италии — вариация на тему», в котором автор убедительно продемонстрировал живучесть идеи *imperium* на Западе после 476 г. С государственно-правовой точки зрения остготское государство было лишь *regnum*, обычным клиентом. Вследствие *translatio imperii* формально единство империи было восстановлено, но реально, согласно Кассиодору, Теодорих претендовал на *imperium Italiae*, что несомненно ревидировало прежние категории *Teilreichskaisertum*. Так, *concordia* для него была больше, чем понятие *raх*. По мнению А. Пабст, различные места Кассиодора можно интерпретировать как возрожденные понятия *utraque res publica* и *uterque orbis*. При Юстиниане остготский двор демонстрировал свою независимость от Византии, признавая константинопольского императора только *principes externus*. Только византийское завоевание вновь привело к фактическому единству империи и превращению Италии в провинцию.

Концепция и различные выводы А. Пабст, несмотря на их солидную фундаментальность, не являются, конечно, бесспорными. Для примера можно сослаться на новое трактование Ф. Кольбом материала источников при исследовании внутреннего строения первой тетрархии, хотя неиспользование этой работы нельзя ставить А. Пабст в вину⁴. Однако безусловной заслугой автора стало изучение тех серьезных резервов темы политических разделов империи, которые прежде ускользали от внимания специалистов. Фактически А. Пабст заложила хороший фундамент исследования проблемы в новой плоскости. Разумеется не все относящиеся к ее теме и подходу аспекты удалось охватить в рамках одной монографии; не все из них в равной мере приобрели свою завершенность. Например, неоднократные упоминания о силах, заинтересованных в разделах, остались без объяснения. Очевидно, можно было бы сделать также анализ внутренней семантики ключевых глаголов «partire» и «dividere» и их субстантивантов, прямо относящихся к тематике разделов. Вне поля зрения автора осталась также «военная» терминология. Представляется неоправданным сознательный отказ от подробного заключения. Наоборот, множество исследовательских линий, полемически окрашенных тезисов требует чуть ли не графического, синхронного резюмирования. Очевидно, все это, не снижая несомненной ценности книги и вклада А. Пабст в современные позднеантичные штудии, ждет своего исследователя.

Е. П. Глушанин

⁴ Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? B.; N. Y. 1987.